

СЕГОДНЯ, ЗАВТРА, ВСЕГДА

ДО СИХ ПОР не забыть, как в наш маленький южный город ворвался «Петр Первый». Все афишные тумбы, рекламные щиты были заклеены плакатом. На нем был изображен огромный человек. Вскинув вверх руки, он кричал: «Поспешите в кинотеатр!»

И мы бежали раз, другой, третий, отдавая себя на полчаса во власть человека, изображенного на афише. Да что там — на полтора! Проходили дни, месяцы, а магическая сила воздействия не ослабевала.

Далеко не все из нас — я говорю о своих сверстниках — в ту пору успели сколько-нибудь основательно познакомиться с Петром Первым и его эпохой. Фильм заставил нас сесть за учебники, за роман Алексея Толстого. И чем больше мы читали, тем все более крепло убеждение: он, царь-плотник и военачальник, великий реформатор и человекище с крутым характером, с широкой душой, был именно таким, каким показал его на экране артист.

Так произошло знакомство людей моего поколения с артистом Николаем Симоновым.

Мне повезло: я приехал учиться в Ленинград и получил возможность увидеть актера на сцене.

Стало уже шаблоном писать, что посещение театра — праздник. И все-таки мне хочется повторить эту фразу, ибо есть слова, несмотря на частое употребление, предельно точно передающие наши ощущения. Надо бы, да никак не отказать от них! Так вот, я говорю о каждомдневном празднике, который мы переживаем, когда сидим в притихшем зрительном зале и следим за Симоновым. Сердце бьется гулко и, кажется, может помешать слышать и видеть, но, вероятно, именно потому, что оно так беспокойно, мы с особой чуткостью удавливаем все, чем живет на сцене артист.

Николай Константинович Симонов вывел на сцену вереницу героев. Многие из них завладевали нашим воображением точно так же, как в свое время созданный им образ Петра Первого. Порой, идя в театр, мы, ничего или почти ничего не знавшие о некоторых из них, через три часа, к концу действия, знали все. Каждый раз

это было знакомство не с делами, не с событиями, а прежде всего с человеком.

Просто поразительно, с какой щедростью распахивает Симонов створки человеческой души. Мы любим, скорбим, мучаемся и радуемся вместе с ним.

Вряд ли нужно ленинградцам напоминать о галерее образов, воплощенных в кино и на сцене Николаем Константиновичем. Их, пожалуй, немногим меньше, чем зрителей, каждый вечер заполняющих партер театра. Из всех ролей назову две, потому что они — последние и потому что именно за их исполнение Н. К. Симонов выдвинут в число кандидатов на соискание Ленинской премии.

Во многих театрах шла трагедия «Моцарт и Сальери». Были постановки хорошие. Были менее удачные. Но эти оценки не подходят, когда нужно говорить о том, что происходит на сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина.

А происходит удивительное. Мы смотрим пьесу, которую знаем с детства, видели уже не раз, читали и перечитывали. Казалось бы, нет реплики, которую не знали бы наизусть. А сидим в зале и переживаем так, будто театр заново открыл нам Пушкина.

С редким достоинством и благородством, проникновенным лиризмом ведет свою роль В. И. Честников. Его игра заслуживает самых высоких похвал. Владимир Иванович показывает нам такого Моцарта, какого мы знаем или хотели бы увидеть, давно любив его музыку, прочитав многочисленные воспоминания современников великого композитора и другую литературу о нем. Артист и не ставил перед собой задачи сделать своего героя принципиально другим, не похожим на образ, уже сложившийся в представлении читателя и зрителя. Он стремился показать его именно таким: порывистым, доверчивым, дьявольски талантливым, озорным... А Сальери?

Чаще всего мы видели на сцене злодея. С первого своего появления он шел к преступлению, и отпечаток «роковой страсти» был на каждом его шагу.

Симонов тоже беспощаден к своему Сальери. Но он не просто изображает композитора, известного в наши дни широкой публике главным образом не своими сочинениями, а как персонаж драмы А. С. Пушкина. На фоне трагедийного события Симонов показывает еще и личную трагедию человека, причем человека незаурядного, крайне противоречивого. Так и хочется сказать, что артист пытается раздвинуть рамки пьесы, дать ей еще одно измерение. Впрочем, не раздвинуть, конечно, а, скорее, исчерпать до дна.

Когда в Театре имени Пушкина начались репетиции «Маленьких трагедий», сразу же возникли волнения. Разнесся слух: «Симонов играет не по Пушкину». Известный пушкинист С. М. Бонди, бывший консультантом спектакля и отдавший ему часть собственного сердца, тоже ходил озабоченный.

Помнится, в тесном кабинете Л. С. Вивьена собирались постановщики, Бонди, Симонов. Сергей Михайлович Бонди, всегда неизменно вежливый, обходительный, тихий и благожелательный, во время этих бесед вдруг взрывался и уже не убеждал, не спорил, а буквально лез в драку с Николаем Константиновичем.

Но состоялась премьера, и он развел руками: «Ну, знаете, батенька...» В чем-то он оставался несогласным с трактовкой Симонова, что-то вовсе отказывался принять, но чувствовалось, что актер покорила его своим талантом.

Симоновский Сальери — не просто мастерски сыгранная роль. Это явление, и чем мы пристальнее присматриваемся к нему, тем все больше видим граней, деталей, на которые в первый раз не обратили внимания. Но они вовсе не второстепенные, а очень важные для того, чтобы понять,

каков этот образ. Мы не можем не радоваться тому, что нам довелось посмотреть именно такого Сальери, человека, жившего в давнее от нас время, в далекой стране и вместе с тем в чем-то очень современного, знакомого нам не по литературе, а по личным наблюдениям. Черная сила Сальери от всего этого еще активнее будит в нас стремление бороться с ней, в каком бы обличии сегодня она ни появилась. Сальери, каким его создает Симонов, — не символ, обозначающий зло. Он прежде всего человек с достоверными чертами характера.

Придя на другой день в театр, зритель встречается с Симоновым в спектакле «Перед заходом солнца». На этот раз артист показывает совсем иные стороны человеческой души.

Клаузен Симонова сразу же становится близким нам и своей убежденностью, и бунтарством, и нежностью. Ему стар, но нам понятно, почему юная Инген всем сердцем потянулась к нему. Ведь узнав такого человека, нельзя просто противостоительно заглядывать в его паспорт и высчитывать, сколько ему лет. Симоновский Клаузен вечно молод, как всегда молоды любовь, убежденность в торжестве добра, как молодая сила, противостоящая злу.

Необходимо отметить важную особенность творческого почерка Н. К. Симонова, особенность, полное всего проявляющуюся в изображении внутреннего мира персонажей пьес, — его удивительное умение показать нам, как мысль, рождающаяся в мозгу, приводит в движение все силы человека.

Видимо, можно и нужно сказать еще очень многое для того, чтобы перед читателем предстал хотя бы беглый набросок творческого портрета большого артиста. Но это — совсем иная задача, иных статей. Впрочем, убежден, сколь ни велики будут они по объему, глубоко по мысли, ими не исчерпать темы — так удивительно дарование замечательного

русского трагика Николая Константиновича Симонова.

Хочется сказать и о том, что знают не все зрители.

Дома, в светлой просторной комнате Николая Константиновича стены почти сплошь увешаны картинами. Вот тронутый первым инеем лес, еще не сбросивший листвы, но уже поредевший; сквозь путаницу ветвей просвечивает голубоватое небо. А вот уголок старого Санкт-Петербурга. Высекая искры из каменных плит, подобно вихрю, мчатся по каналу всадники. Их много, и аллюр настолько бешеный, что не различишь ни лиц, ни фигур, — только легкий озноб тревоги пробегает по коже. Автор так и назвал эту картину — «Тревога». Рядом мы видим вдохновенное лицо Моцарта и склоненного долу Сальери; судорожным движением он прикрыл лицо рукой, чтобы скрыться от чистых и вдохновенных глаз своей жертвы...

Все эти картины, наброски, даже рисунки на квадратиках кафеля печки сделаны Н. К. Симоновым.

Давным-давно, «на заре туманной юности» Симонов приехал из Самары в голодный, открытый всем ветрам Питер, чтобы учиться в Академии художеств. Он, плохо одетый и вечно голодный, много писал, и то ли для того, чтобы не думать о хлебе, то ли для того, чтобы развеять товарищей, часто декламировал. Он читал стихи и монологи из пьес, которые шли на любительской сцене в Самаре, где юный Симонов выступал в роли художника-декоратора.

Друзьями Николая Константиновича по академии были ныне известные художники. Люди одаренные, они разглядели в товарище искру другого таланта.

— Тебе, Николай, нужно испытать счастье на подмостках, — не раз говаривали они.

Не сразу Симонов послушался совета. Но в один из дней все-таки решился. В тот голодный год Симонов, как и многие другие студенты, работал грузчиком в

порту. Сшитые матерью брюки из солдатского сукна к тому времени так поизносилась, что в театральную школу Симонов пришел не в них, а в брезентовой робе, которую выдавали грузчикам. Высокий, тощий, в этом негнущемся одеянии, шелестящем при каждом шаге, как листовое железо, да еще припудренный угольной пылью и мукой, он подошел к секретарше директора.

— И вы в таком виде собираетесь предстать перед экзаменационной комиссией! — всплеснула руками она. В возгласе было столько презрения к «тому грузчику», что Симонов стремглав выскочил на улицу.

И все-таки он стал артистом. Талант бродил в нем, как вешние воды. Он привел его туда, где всего полнее могло развиваться его дарование, — на сцену.

Впрочем, и это — только одна страничка из биографии артиста. А жизнь прожита большая.

Лишь самым завзятым театрам известно, например, что Н. К. Симонов пробовал свои силы в режиссуре. На малой сцене Академического театра имени Пушкина шла в его постановке «Бесприданница», а в Куйбышевском театре, где в начале 30-х годов работал Николай Константинович, он с большим успехом поставил «Егора Булычова», «Смерть Пазухина», «Привидения». В этих спектаклях играли Ю. Толубеев, В. Меркурьев.

...Да, большая у артиста жизнь в искусстве. Мы беседуем, а взгляд останавливается то на одном полотно, то на другом. В одной из комнат, у самого окна висит тетрадный листок с нацарапанными на нем елкой и надписью: «С Новым

годом, дедушка». Это уже творчество внука.

И, может быть, именно потому, что на глаза попался этот рисунок, мне захотелось рассказать Николаю Константиновичу, что нынешний Новый год мы с друзьями встречали в мастерской ленинградского художника Алексея Соколова. Соколов только что закончил портрет Симонова. Портрет висел перед нами на самом видном месте, и нам казалось: эту ночь артист провел вместе с нами. А с давних пор в возрасте бытует примета: с кем Новый год встретишь, с тем проживешь долго. Я не верю в приметы, но на этот раз очень хотелось поверить.

Ведь так радостно знать, что и сегодня, и завтра, и всегда, когда мы придем в театр, увидим артиста и в старых ролях, и в новых, будем снова переживать, волнуясь, с благодарностью откликаясь на каждое произнесенное им слово, которым он хочет окрылить нас великой верой в человека. А этой вере наши сердца открыты сегодня, завтра, всегда.